Текелински

Висталь

Том 2

16+

Текелински

Висталь. Том 2

«Автор»

2020

Текелински

Висталь. Том 2 / Текелински — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-96181-4

Мистически-философский роман, в котором мудрый, стремящийся к собственным духовным прозрениям читатель, найдёт увлекательные приключения, переносящие его в различные эпохи человеческого становления, где он, вместе с Висталем, побывает в местах, где его взгляды на жизнь, скорее всего изменятся, и встретится лицом к лицу с известными и неизвестными Великими личностями, и пообщавшись с ними, откроет для себя новые поля созерцания и осмысления.

ISBN 978-5-532-96181-4

© Текелински, 2020
© Автор, 2020

Содержание

Лабиринты 5
Судьба 6
Отшельник судьбы 8
Отсутствующий горизонт 12
Кейптаун 16
Москва 20
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Текелински
Висталь. Том 2

Лабиринты

«Все книги мира, даже если сможешь прочитать,
и если даже, сможешь все их осознать…,
ты и на пядь не подберёшься к тайне мира,
и заглянув, как будто бы, на дно того горнила,
разочарован будешь, как всегда опять…
Ведь вечных грёз разумного познания, -
не утолить продуктами печатного издания…
Лишь только ветер, и течение реки…,
как и огонь, прибой, и звёзды в небе, -
разбудят настоящее познание в тебе…
И лишь увидев контур – горизонт событий,
в тумане будто, различив обитель,
– вот истина! Лишь руку протяни!
Но не коснуться, сколько не беги…
Словно мираж, висит над горизонтом,
– игра, меж теменью, и солнцем…»

Судьба

То, что лист упавший с дерева, упадёт именно в том самом месте, предначертанном ему всеми обстоятельствами…, плотностью, и влажностью воздуха, собственным весом, ветром и т. д., – не вызывает сомнений. Но то, что человеческая судьба – непредсказуема, и изменчива…, что личность имеет право на произвол, и его судьба, никак не предзнаменована…, в этом, также нет сомнения, у всякого обывателя.

Чем же отличается судьба упавшего листа, от судьбы человека? Волей, разумом, стремлениями, и желаниями…, его сложной духовностью, наконец? Да, безусловно… Но это, лишь усложняет его положение…, но никак не абстрагирует, от общего контента мироздания…, никак не выводит его, на абсолютно иной уровень…, и не наделяет особыми свойствами, кардинально отличимыми, от положения того же упавшего листа.

Также, как движение бильярдных шаров на столе, абсолютно предопределено, и никакой произвол не может изменить сетку их, будто бы хаотического движения…, так и судьба человека, находящегося в «обойме себе подобных», и обладающего собственной внутренней «кинетической энергией», – предначертана, и необходимо фатальна.

Всякая очевидность, и неоспоримость, являются таковыми, только для тебя, и ни для кого другого. И то, что таковые часто переплетаются, и звуча в унисон в различных разумениях, – резонируют, и заставляют верить в некий единый осмысленный паритет мироздания, есть лишь продукт, стремящихся к согласованности, индивидуумов…, жаждущих объединения молекул…, не взирая ни на что, ищущих сцепления…, для образования более мощной, более выживаемой единицы. И ради этого, отбрасывающих всякие противоречия, дабы не заблудится, и не остаться в абсолютном одиночестве…, в котором весь мир, становится необходимо враждебным…, и своей опасностью, – страшит самое отчаянное сердце!

И мы готовы нивелировать, и даже упразднять все возникающие противоречия…, мы боимся собственной индивидуальности так, как боимся абсолютного одиночества, (кстати сказать, единственно коему свойственна свобода). Мы даже готовы причислять одиночество – к злу…, и тем самым, выводить за рамки, и с помощью пропаганды навешивать ярлыки на всё, что, так или иначе, ведёт себя независимо, индивидуально, и контрсоциально.

В мире, действительно нет, и быть не может никакой вины. И та ответственность, что отяжеляет сердце, в тоже самое время, даёт пищу для гордости…, этой Величайшей Стихеи человеческого мышления, – есть, лишь суть аффект воли.

Наш разум полагает, что ему подвластны аспекты этой воли…, и он, опьянённый сознанием власти, начинает стегать шомполами свою собственную совесть…, находя в армии своей воли, «слабые подразделения» …, и даже готов казнить каждого десятого, из общего войска…, дабы его плоскость осознанности, и его власть, – не подвергались сомнению.

И слабость, и сила, – вне морально-этического бастиона мировоззрения, имеют право на собственное существование. Тот, кто смотрит с высока собственной силы – на слабость, сам является слабым. Ибо его апломб держится, лишь на собственном взгляде, на сравнении, – лишь по отношению…, лишь имея, как пример, пред собой эту слабость.

Сила же вообще, – такая же химера, как и *слабость вообще…*, такая же ошибочная константа, что наделяет одни вещи – произволом, а другие полной зависимостью. Одно, относит ко злу…, другое – к добру. Всё абсолютно самостоятельное…, самоценное, и самодостаточное, – такая же иллюзия, как и всё зависимое, и абсолютно подвластное.

И всё это, нам нужно только для того, чтобы иметь под ногами, хоть какую-то более-менее твёрдую почву…, либо цель для поиска таковой…, и для того, чтобы находить пенаты, для ощущения собственного Величия…, или ничтожества. И то, и другое, – настолько же относительны, насколько относительны понятия злого, и доброго. И даже самое последнее чувство

ничтожества, подчас, даёт больше для человеческого сердца, чем самое неоспоримое Величие…

Тот, кто любит летать, редко ищет твёрдую почву. Ведь она, – только мешает ему, расправлять свои крылья. Висталь стал Херувимом тогда, когда перестал искать твёрдую почву под ногами. Когда, даже такая «железобетонная химера» как *истина*, перестала прельщать его…, и он глубоко осознал всю несостоятельность, и главное, тщетность поиска таковой, в этом бушующем мире. Когда всякое заблуждение, стало для него, не меньшей ценностью, но даже более того…, ибо предполагало главную константу настоящего ума – *угадывание.*

Человек – знающий многое, и систематизирующий в себе, эти знания – грамотный человек. Человек – угадывающий, способный к собственным умопостижениям, а равно, и заблуждениям – умный человек.

Только *человек-угадывающий*, способен на гениальность. Ведь сама природа стала возможной, только благодаря собственной угадываемости. Тот, кто не видит особой разницы в этом, – не понимает разницы, и между преднамеренностью, и произволом, между дисциплиной, и свободой…, как раз здесь, находящих каждая, – свою ценность для жизни. Между дисциплиной, и свободой, словно между двух берегов над пропастью, с натянутым канатом, – висит мироздание, и жизнь.

На этом натянутом канате, мир – словно канатоходец…, неся в своих руках бесконечно длинный шест, балансирует…, будто бы идя вперёд…, но на самом деле, находясь всегда на одном, и том же месте. Ибо, сама безмерность, и бесконечность, не имея в себе окончательных границ, окончательных пунктов…, не предполагает, и какого-либо движения внутри себя.

Ещё никогда прежде, с тех пор, как Висталь расстался со своей Свистиллой, он не испытывал такого счастья. Невероятное чувство покоя и удовлетворения, растекалось по его венам. Любовь Херувимов, и Ангелов – не такая, как любовь человека. Она – не отягощена ответственностью…, и не имеет на себе, обременения продолжения рода. Ангелы, и Херувимы, размножаются иначе. И потому, это – самая чистая, самая возвышенная любовь. Некоторые, совсем редкие люди, также способны на подобную любовь. Но эта любовь, словно самая глубокая тайна мироздания, всегда проходит для человечества, – незаметно…

Висталь знал, что это ненадолго…, и старался насладиться в полной мере, этим своим состоянием. Распластавшись на невероятно однородной, и ярко зелёной траве, он смотрел в небо. В этой бездне казалось, притаились какие-то фантастические существа…, и вот-вот покажутся, выйдя из-за горизонта. Фантазия – не знает пределов…, в отличии от реальности, для которой всё и вся, должно быть фатально закономерно. И имей реальность в себе, невероятные явления…, мир этой действительной реальности, – прекратил бы своё существование. Это и есть, – его дисциплина и свобода, его *Альфа* и *Омега*…, где за горизонтами привычного восприятия, и мышления, – распростёрлось поле фантазии…, как нечто идеальное, и запредельное мира, – нечто, что не существует…, и в то же самое время, его существование – самое реальное из всех, что даёт нам простое созерцание. Именно здесь *угадывание*, как локомотив жизненности, влечёт за собой всё иллюзорное, и заблуждающееся…, всё – *по-настоящему живое.*

Поднявшись, с этой лоснящейся травы, Висталь направил свой взор параллельно земле…, и все поля, горы, и пейзажи, приобрели в его сознании, чёткие, неизменные очертания. Чувство счастья закончилось…, и его заместила обыденность привычного бытия. Стремления, и цели, – всплыли скалистыми островами, из этого бездонного моря…, и он двинулся навстречу собственной судьбе.

Отшельник судьбы

Обыденный, банальный скарб всякого обывателя, его простая незатейливая жизнь, во всей своей палитре, отражает единственно существующую реальность. Простота, и лаконичность твоего бытия, – нисколько не умаляется этой простотой, и лаконичностью. Ведь, как капля, – содержит в себе, всю безграничность океана…, так всякая точка планеты, – несёт в себе, всю возможную разнообразность этого мироздания.

Не существует, на самом деле, никакой пошлости и ограниченности жизненного пути…, ибо, не существует ничего противоположного…, а именно – самого всеобъемлющего, самого Великого пути. И жизнь, какой бы она не казалась тебе…, простой, недоразвитой, и банальной…, в действительности, обладает самой последней своей всеобъемлемостью…, собственным неоспоримым Величием, и полной, безоговорочной самодостаточностью.

Висталь часто бывал, в отдельно стоящих лачугах…, на берегу ли океана, или в лесу…, где на десятки миль вокруг, не было ни единой человеческой души…, и всякий раз задавал себе один, и тот же вопрос: В чём черпает для себя надежду, обитатель такой лачуги…, и в чём находит удовлетворение на рассвете, и закате, когда все бытовые обязанности дня, уходят на второй план…, и человек погружается в себя, в философские раздумья о своей жизни? Перекатывает ли он, словно леденец на языке, те же мечты, что предвосхищает обыватель всякого «концентрированного социума», заканчивая свой день? Или его мысленная, и душевная атмосфера, заканчивается здесь, и сейчас…, и он, свободный от грёз, остаётся рафинированно одиноким, даже в своём сердце…, и отстранённым, от своего собственного второго я…, и не беседует на закате, даже с самим собой.

Человек – не может не вести диалог…, тем более, когда он один на десятки миль вокруг. Он не может не смотреться периодически, в зеркало собственной души…, ибо, в таком случае, он рискует потерять навсегда, свою личность. Ведь именно в отражении, эта личность, только и способна видеть, и чувствовать сама себя. Без отражения, без диалога, – она становится той же пустотой…, и уже не может причислять себя – к живущим.

Пройдя по невысокому хребту, что бруствером отделяет море, от живописной долины…, Висталь спустился, к такой одинокой лачуге…, возле которой стояла старая лодка, с обросшим планктоном и ракушками, и высохшим за время отлива, дном. Навстречу ему вышел, на удивление молодой человек. Ведь именно к зрелому возрасту, как правило, человек ищет уединения. Молодость же, стремиться к противоположному, – к шуму, и коллизиям…, к приключениям разного плана, и характера.

Здравствуйте, уважаемый! Опередив Висталя в приветствии, крикнул отшельник. Что завело вас, в это, богом забытое место? У вас вид, будто вам не пришлось прошагать, как минимум два десятка миль? Вы прилетели сюда на чём-то, или приехали на вездеходе?

Скорее – телепортировался…, с улыбкой ответил Висталь. Отшельник, ухмыльнулся… Проходите в дом. Сегодня особенно яркое солнце…, оно способно спалить, не только ваше светлое лицо, но и прожечь вашу белую рубаху.

Неожиданный контраст, представившийся взору Висталя, – несколько насторожил его. Внутри всё было в стиле модерн…, мебель, столовые предметы, и прочее. Молодой человек – жил с комфортом.

Присядьте…, я налью чаю. Висталь плюхнулся в шикарное удобное кресло. Как…, а главное, чем вы живёте здесь, совсем один? Полагаю, этот вопрос, вы должны были предвидеть…, ведь его, скорее всего задаёт всякий, кто волей случая попадает сюда.

Да, вы правы… Я стал отшельником по своей воле, и уже давно живу здесь…, и привык ко всему, в особенности к одиночеству. Мучающее меня в первые годы…, оно стало приносить наслаждение, впитавшись мне в кровь…, и охлаждала её, когда она становилась слишком

горяча…, и грела её, когда холод проникал в жилы. Я словно переродился…, и мой разум открыл в себе самом, новые неведанные дали, и перспективы. А главное, в моей душе вырос тот цветок, которым я мог удовлетворяться каждый день…, и он не надоедал мне, и не утомлял меня.

Так что же вас занесло, на этот пустынный берег? Если вы вынуждены были прятаться от кого-то, то лучше всего прятаться – в многолюдном мегаполисе?

На самом деле, я ни от кого не прятался. Я долгое время занимался психологией, и философией. Я старался понять и осмыслить поведение своих соплеменников. И, так или иначе, мне это удавалось…, по крайней мере, мне так казалось. Но в какой-то момент я вдруг понял, что проникать в чужие психологические лабиринты, не так продуктивно, как проникать в собственные. Мы все разные, но сделаны из одного теста. Такова парадоксальная аксиома нашего существа, и нашего сознания.

Но вот ещё один парадокс. В собственные глубины мне мешало проникать именно окружение. То, на чём я строил своё ремесло, стало сильно угнетать меня. И я решил всё бросить, и уехать в пустыню. Так поступает всякий утомившийся обществом, человек.

Но также, утомляешься и одиночеством. Хотя, это я понял, и осознал, только проведя здесь два с половиной года. Утомлённый одиночеством, на самом деле, ничем не отличается от утомлённого обществом. С той лишь разницей, что утомлённый одиночеством, не в силах убежать от себя, и вынужден искать общение где угодно, чтобы утолить нарастающую боль в сердце.

Смена декораций, смена окружения…, с какого угла бы ни смотреть, всегда требует своего свершения. И тот оптический угол зрения, к которому привыкает твой разум, и твоё сердце, в какой-то момент требует разворота. И свершив такой разворот, замасленный взор вдруг очищается…, ты, будто просыпаешься, и та бодрость, что следует за этим, опьяняет тебя…, и чувство какого-то невероятного счастья, на мгновение окатывает всё твоё существо…, и ты бежишь прочь от привычного образа жизни, – туда, где боль и наслаждение смешиваются, словно кровь с молоком, давая самое мощное ощущение жизни!

Кто-то бежит от врагов, или фемиды. Я знал такого человека. Он состоял в одной из Питерских преступных группировок, и в начале двухтысячных, интуитивно почувствовав скорую собственную гибель, бежал, бросив в один день всё. Только так человек может выжить, только бросив всё в один день, уехав туда, куда глаза глядят…, и, пропав на просторах земли, не оставив следов.

Он много рассказал мне, как психологу, и я помню всё, что происходило с ним. Каждый день они воевали, не понятно за что. Ради самой войны, ради получения благосклонности Минервы. Они были одержимы, и отчаянно защищали свою честь, и достоинство, не понимая, что всё это – мишура, не стоящая и выеденного яйца. Но будучи во власти этой одержимости, на волне определённого мировоззрения, и соответствующих паритетов, и приоритетов, они не допускали и тени сомнения, в этом своём ремесле. И сам политес их деятельности, заставлял делать вещи, и совершать поступки, глубоко не приемлемые их же сердцам. Но как говориться: «Назвался грибом, полезай в кузовок…»

Нет, он не пытался оправдать, или зачеркнуть для себя, своё прошлое…, не пытался всё это отнести к ошибочному. Он так думал тогда, и это была его правда, и его заблуждение. Его бурлящая кровь, его самолюбие и гордость, не могли тогда привести ни к чему иному. Каждому возрасту, как говорится, своё. И он часто испытывал, может быть не счастье, но удовлетворение своей деятельностью…, особенно когда удавалось свести все концы, и выстроить свою действительность, на лад собственного представления. И пусть он тогда не понимал, как можно вообще жить мирно, и его пугало это умиротворение, пугала скука, как тень пустоты и забвения…, но часто, просыпаясь утром, он испытывал приступ ощущения глупости всего, что

он делал, и к чему стремился. Именно глупости и стыда, что ему не хватает мудрости выбросить всё это на помойку, и сделать главный шаг в своей жизни.

Всё это отголоски древнего мира, чьи драконы и чудовища сидят глубоко в пещерах каждого рождающегося, и живущего на земле духа. Мир ещё никогда не жил мирно, и в этом главная суть этой жизни. Я говорил уже об этом, и теперь повторю: Если когда-нибудь Человечество решит умереть, то всё, что ему будет нужно сделать, это умиротворится…, прекратить все военные столкновения, все коллизии, и перипетия собственной жизни. И лет через сто, двести, – Человечество исчезнет с лица земли.

Но ведь Человечество может вполне погибнуть и в огне сверх войны, развязанной горячими головами?

Ни одна война не способна полностью истребить человечество. На это способно только – *умиротворение.* Общее, и повсеместное упокоение крови…, и как следствие стагнация всех жизненных сил. И это надо понимать, и не фантазировать о мире во всём мире…, тем более, в истории никогда не было даже намёка на такой мир…, и реальность природы никогда не уступала мифическим чаяниям обывателей. Также, как инстинкт человека, не показываясь, и не афишируя себя, всегда ставил свою точку во всяком споре с разумом…, так природа никогда не умоляла себя, и, будучи латентно укрытой в своей сути, от поверхностных волнений, всегда довлела, и говорила последнее слово, во всех мировых явлениях.

Висталь на минуту задумался…, и, встав с кресла, подошёл к небольшому окну. Я, как-то имел счастье беседовать с «Великим хромцом», с Тамерланом…, – с этим герольдом войны. И он сказал мне тогда, что его счастье заключается в том, чтобы не только поражать недругов на поле брани, но на их могилах строить Великолепные города…, в которых концентрация умных, учёных, и творческих людей, будет таковой, что величие его, и его потомков, превзойдёт все возможные пределы!

Он был счастлив своим запредельным тщеславием…, и делал всё, чтобы утолять его разрастающееся каждым днём, чрево. И так, он остался в истории Великим воином, и Великим зодчим – одновременно.

Но дело в том, что всё, что в тебе вырастает, и выходит из-под контроля, всегда, в конце концов, губит. Словно «Кордицепс», в котором паразит вырастает внутри реципиента, и губит его, превращаясь вместе с ним в «мумию».

Тщеславие, к примеру, заставляет перешагнуть через собственные возможности…, и, потеряв связь с реальностью, нивелировав собственную интуицию, благодаря которой всегда выживал, ступить на губительный путь.

Всякий путь – стремится к собственному выпрямлению…, и идущий по нему, всегда хочет идти прямо, привычной и предсказуемой дорогой. Но самый ближайший путь к неизбежному концу, именно прямой путь…, и всякий такой путь быстро приводит к пропасти…, и выжить здесь, наиболее продолжительно, способен только тот, кто в силах повернуть на этом пути, на девяносто градусов, и пойти туда, куда поведёт его собственная интуиция. Прямой путь – губит быстро каждого, кто встаёт на него, вне зависимости от характера этого пути. Гибкость, и не закостенелость, это та Терпсихора сознания, которая спасает, и приводит путника, пусть и к большим страданиям, но и к счастливым переживаниям…, и в действительности, к по-настоящему благостным садам.

Я живу здесь, уже почти тринадцать лет. И может показаться, что я оторван от мира. Но на самом деле, я живу в центре этого мира…, и всё остальное, есть лишь суть периферия. Настоящая личность не приспосабливается, не подстраивается под условия окружающего мира, но создаёт его по собственным лекалам, в соответствии собственным возможностям, и в связи со своими потребностями и желаниями. Воссоздать себя, как центр мироздания, как та точка, откуда собственно, расходятся лучи реальности…, вырасти из песка, словно «Колос Родосский», и оглядывать с высоты птичьего полёта мир, делая его желанным и полезным

себе, даже со всей его враждебностью…, – враждебностью, прежде всего. Ведь на самом деле, полезность враждебности, куда полезнее благонамеренности и снисхождения, для всего становящегося и крепнущего. Без этой враждебности, на земле царствовало бы, всё разлагающееся, и деградирующее.

Я ловлю в море рыбу на своей лодке, и акулы боятся меня, не подходя ближе, чем на десять локтей. Что они чувствуют, что они осознают, – знает только бог. Я никогда ничего не делал для этого, но их невероятный инстинкт подсказывает им, что ко мне подходить близко, очень опасно! И они кружат вокруг, не переходя границ дозволенного.

В связи с этим, я вспоминаю бессмертное произведение Эрнеста Хемингуэя «Старик и море». И меня охватывает гордость, и причастность, к чему-то по настоящему возвышенному, и достойному. В такие минуты, я ощущаю настоящее счастье! И даже «Морской волк» Джека Лондона, как метафора жизни моего приятеля, отходит на второй план, и превращается в лишь игру, в которой кто-то принимает правила, а кто-то нет.

Но и в том, и другом случае, побеждает на самом деле, как правило тот, кто правил – не принимает…, и не играет на поле своего сильного соперника…, а создаёт свои правила, и, повернувшись на девяносто градусов, смешивает все карты противника, и выводит сражение на своё поле, принимая бой на собственных резервациях духа.

Мир – ещё никогда не сидел на одном стуле, и жизнь ещё никогда не была прямолинейна, и предсказуема… Каждый день приносит новые, небывалые обстоятельства…, и ты должен угадывать, как тебе поступать, невзирая на предыдущий опыт, но лишь опираясь на него одним костылём. Каждый новый день – это новая жизнь, которая никогда не была в прошлом, и никогда не будет в будущем. Нам только кажется, что всё повторяется, и что жизнь – бренна, и не несёт в себе ничего нового. Протри свои замасленные глаза, выплюнь из глотки «ядовитую змею обыденности», и мир предстанет пред тобой, своей неисчерпаемой новизной, невероятными коллизиями и переплетениями, уходящими за горизонт параллелями, и бездонным небом своей возвышенности и изысканности.

Парадокс мира в том и заключается, что при всей своей общей возвратной повторяющейся пантемиде, он никогда не повторяется. Во всём этом, переплетаются его главные имманентные вечности, – *Вечность возвращения*, и *Вечность забвения*. Первая – *Вечность бытия*, вторая – *Вечность небытия*. Прошу прощения за пафос, но говорить обыденно об необыденных вещах, значит опошлять их.

Висталь, очнувшись от задумчивости, прошёл по небольшой комнате, и, поблагодарив обитателя лачуги, вышел наружу. Солнце клонилось к закату, и с моря уже подуло прохладой. Ему предстояло преодолеть пустыню, и сделать это было необходимо за ночь. Иначе, он рисковал остаться в ней навсегда, превратившись в высохшую мумию.

Отсутствующий горизонт

Пустыня песчаных барханов, заснеженная пустыня крайнего севера, и пустыня океана, отличаются только относительностью твёрдой почвы под ногами. И в своих размышлениях, наш разум всегда ищет именно этой почвы, дабы не утонуть в зыбучих песках, или волнах изумрудной воды собственных недоразумений.

Висталь брёл в ночи по этой песчаной пустыне, и ему вспоминалась одна история. Это происходило недалеко от Южного полюса. Висталь встретил здесь человека, который в то время, был единственным человеческим существом, на тысячи миль заснеженной пустыни. Руаль Амундсен, исследователь и путешественник, чья воля могла сравниться, лишь с волей мифического бога, сына титана Иапета, и Океаниды Климены.

Зачем…, ради чего человек покидает уют своего дома, и устроенность быта в социуме, и отправляется в самые неприветные, и опасные места планеты? Мотивов множество…, и все они, переплетаясь, образуют причудливые локоны самооценки, творческих порывов, самоотдачи и независимости. Но, в конце концов, срастаются в единую мощную «*косу тщеславия*».

Тщеславие – самый мощный мотив, из когда-либо гнездившихся в сплетённых гнездах, висящих на верхушках деревьев нашего душевного леса. Оно способно превратить в рудименты, даже такие ведущие мотивы человеческого духа, как страх, или даже любовь. Что уж говорить о более слабых мотивах, коими заполнена душа всякого обывателя…, как, впрочем, и всякого великого поэта, или философа.

Именно этот, нивелированный, опошленный, и приниженный ныне мотив, провоцировал всегда, и провоцирует ныне, всякого сильного духом человека, на самые невероятные поступки…, и делает из него настоящего героя, чьё имя начертывается на скрижалях истории.

Каждый выбирает свой путь…, коих в жизни, великое множество. И важно понять, и оценить свои способности, и выбрать именно тот, на котором ты достигнешь своей цели. В отвалах истории немало чудаков, так и не распознавших своего пути, и порвавших себе вены, уже на старте. А многие просто ушли, и не вернулись, сгинув на полях мирового океана, и уйдя в забвение в памяти людей.

Самый сложный путь, в тоже время, самый достойный и почитаемый…, он же, и самый долговечный для людской памяти. Всё зависит от притязательности твоего тщеславия. Миллионы тешили себя ежеминутными удовлетворениями, всевозможными способами выходя на свет, и попадая на мгновение, в луч прожектора социального взора. Но здесь конъюнктура меняется столь быстро, сколь незначительны, и поверхностны сами поступки. Пошлость – удовлетворяется пошлостью…, мгновенный труд – мгновенным признанием. Всё закономерно…, и награда, как правило, всегда соответствует напряжениям, и достижениям. Великое тщеславие требует и Великого удовлетворения…, а значит, Великого достижения, и соответственно, самозабвенного труда, и самоотдачи. Масштаб Великой личности тем и отличается, что в нём спит самый мощный, и самый беспощадный «дракон тщеславия» …, разбудив которого, уже не усыпить…, и он, либо погубит своего носителя, либо возвысит до небес! Либо сделает и то, и другое.

Каково же было удивление Руаля Амундсена, когда на бескрайней снежной пустыне, он встретил Висталя, идущего навстречу. Нечто подобное наверно, испытали англичане, во главе с Робертом Фалконом Скоттом, когда пришли на Южный полюс, и обнаружили там Норвежский флаг, Водружённый прежде Амудсеном.

Признаться, я немало удивлён встрече с вами! Кто вы, и что делаете здесь? Не беспокойтесь, уважаемый Руаль, я не был на полюсе, и не претендую на первооткрывателя. Откуда вы знаете моё имя? Я знаю много такого, что не снилось никаким прорицателям, и провидцам, чьё ремесло всегда вызывало недоверие у учёных людей. Но, так-как истина, на самом деле,

отличается от заблуждения только признанием в ней большинством, неумолимой очевидности, то и всякое недоразумение может быть оправдано этим большинством, и возведено в ранг истинности.

Они зашли в небольшую палатку из оленьих шкур, и присев на ящики с провиантом, продолжили беседу. Так кто вы, и как попали сюда? Я путешественник, и меня зовут Висталь. Мои скитания по планете управляются только провидением…, но в то же время, куда не забросила бы меня судьба, необходимость моего местонахождения неоспоримо фатально, и никак не связана со случайностью, в кою верит большинство обывателей земли.

Вы не верите в случай? Но ведь он подстерегает всякого, чья жизнь протекает в рамках земного бытия. И мы молимся богу, чтобы он как можно меньше посылал нам неприятных сюрпризов, и вёл нас своей незримой рукой, между холодных скал рока.

Случайность, это неосознанная закономерность. В этом мире всё предрешено, и не бывает никаких отклонений. Ибо всякие отклонения входят в общий лейтмотив этой предрешённости. Мир фатален от самой микроскопической своей субстанциональности, до космодействительности. Как сказал поэт; «И слова не вставить, и гвоздя не забить…» Мы уповаем на случай, точно также, как уповаем на бога…, и в своих слабостях ищем опорные точки, словно лиана ищет крепкого ствола поблизости, чтобы, отперевшись на него, подняться ближе к солнцу.

Я всегда рассчитывал только на себя, и никогда не искал помощи. Потому я и разговариваю сейчас с вами. Если бы вы были обыкновенным обывателем, судьба вряд ли свела бы нас, тем более, на этих бескрайних снежных просторах. В том то и дело, что ваша воля выходит далеко за рамки обыденности, и несёт в себе ту звезду, что освящает путь всем остальным, и дарит надежду на собственное настоящее, а не надуманное величие.

Вы меня смутили…. Разве можно говорить такие вещи в глаза, ведь ваши слова опошляют сказанное, ибо сразу отдают блеском лести. Если бы вы меня знали чуть лучше, у вас бы и мысли не возникло в льстивости, или преднамеренной лжи в моём сердце. Такие как вы – авангард человечества…, но без этого человечества вы – никто. Ибо пастух без стада, уже не пастух, а слоняющийся по полю бездельник. Самодостаточный учёный только кажется самодостаточным. Его мысли должны непременно отражаться от чего-то…, в противном случае они пропадут в бездне, как пропадает луч света, улетающий в бескрайний космос, и не находящий на своём пути препятствия, от которого он мог бы отразиться. И даже любовь, как бы нам не казалось обратное, не живёт в сердце без отражения. И засыхает, словно стебель без воды, и солнца. Но найдя объект отражения, расцветает словно лотос, поражая своей красотой, и божественной силой.

Чем больше вокруг пустыни, тем меньше её внутри.... У человека нет никаких иных оснований для сравнения, кроме тех, что предлагает ему судьба. И он не знает, на самом деле, что хорошо, а что плохо, пока для того не возникнет прецедент, и ему не представится возможность для сравнения. Только будучи достаточное время в пустыне, каждый может найти здесь себя. И встретившись с самим собой, обрести то сокровенное, что спрятано за семью печатями, и не достижимо в обыденной жизни.

То, что горизонт невозможно перешагнуть, есть Величайшая метафора жизни. Недосягаемость жизненных перспектив, невозможность достижения целей, и есть сама эта жизнь. Добраться до полюса, где никогда не было человека, конечно величайшая задача. Но она такая же иллюзия, как и всякая иная, коими наполнена жизнь всякого обывателя…, и лишь масштаб определяет величие, и ценность этой цели. Но масштаб – вещь относительная…, и убеждённость в том, что именно эта задача является главнейшей из всех задач, ставившихся пред собой человеком, является лишь убеждённостью направленного на определённые вектора сознания, разума. Всякий убеждает себя в том, что именно его ремесло является главным, и приоритетным из всех. В этом смысле гончар, ничем не отличается от политика…, художник – от учё-

ного, а бродяга – от философа. В своих убеждениях, каждый из них непоколебим, и знает точно, что человеку надо.

Я достигну своей цели, что бы это мне не стоило! – Так говорит одержимость. И человек, словно раб, вынужден подчиняться этой надменной и горделивой Стихее. И самая Великая, самая горделивая, и надменная из всех, зовётся Истиной. Как некогда продекларировал в своей песне: «*Туда, где голую святыню, не прячет истины гордыня…*» Он хочет быть рабом Великой цели, и быть причастным к самой, на его взгляд, благородной задаче. Не растратить свою жизнь, свою единственную жизнь – впустую. Не быть похороненным в неизвестной могиле, заросшей на века бурьяном. Не пропасть в отвале истории, где миллиарды душ свалены, и забыты. Так стегает тебя собственный дух «плетью тщеславия», и в тоже время, обжигает «холодным пледом жалости» к себе самому. И стимулируемый, этими архаическими мотивами, он бежит по жизни словно мул, нагруженный подчас, неподъёмными «тюками-намерениями».

Кто, на самом деле, живёт более счастливой жизнью, учёный-исследователь, или какой-нибудь бармен из «Золотого якоря»? Вопрос, на самом деле, не столь очевиден, как это может показаться на первый взгляд. Ибо, не имея в душе возможностей, а значит, и стремлений к определённому ремеслу, для человека не будет и поводов, ни для радостей, ни для сожалений на этом поприще. Только собственная, развившаяся в душе стезя, приносит счастье…, впрочем, как и горе, своему хозяину.

Предвосхищение рождается только в связи с возникающими возможностями. И разочарование, или чувство победы, всегда зависимы от этого предвосхищения. Если ты не мечтаешь о чём-либо, то тебе не грозит, и разочарование. Ели же в твоём сердце родилась, и развилась Великая мечта, достижение которой требует сил, и времени, то только такая мечта, способна принести тебе настоящее счастье. Но ты должен понимать, что, на самом деле, «счастье землеройки», нисколько не меньше «счастья космонавта». И только с высоты относительного, более сложного самочувствия космонавта, «счастье землеройки» кажется низменным, и таким маленьким, и незначительным. С точки же зрения «землеройки», её счастье – самое надёжное, и значительное. Ибо простота этого счастья, меньше зависит от проведения…, и имеет меньше шансов на упразднение, какой-нибудь роковой случайностью.

Кто, на самом деле, проживал более достойную жизнь, Эдмунд Хиллари, с его другом, и партнёром Тенцингом Норгеем, или человек, всю жизнь незаметно, и планомерно спасающий людей, работая доктором в провинциальной больнице, и пишущий на досуге, Великие произведения литературы? Ответ, – также не очевиден. Ибо всякое ремесло, всякое стремление, имеет собственные масштабы, только в сравнении, и в соответствии с тем, чаще всего глубоко надуманным резонансом, коим окружена всякая громкая цель, после её достижения.

Иметь в своём сердце Великую цель, значит стать рабом этой цели…, и, растворившись в её бесконечно разрастающемся теле, превратится в рудимент, – в инструмент для её достижения. Всю жизнь, словно вол, тащит плуг по полю, такой «очевидный счастливчик». Он уже давно и не мечтает, ни о какой свободе. Он подчинён своему «царю в голове», и при малейшем отхождении, от его повелевающей воли, испытывает на себе «плеть презрения», и наказывающие моральные лишения. Просто жизнь, для такого «счастливчика», превращается во что-то недостойное, что-то мелкое, обывательски обыденное, не несущее в себе никакой ценности.

Только редчайшие личности сохраняют в своём сердце обе стороны, и способны ценить, как простоту собственной жизни, так её Великие цели. Не стать ни Мисологосом, ни Ортодоксом, не оставаться на одном поле, и не уйти с головой в море собственной одержимости…, и в тоже время, получать удовлетворение, как от собственных внутренних возвышенных институтов, так и обывательского бытия – Великая победа воли! И это, пожалуй, главный показатель настоящего психического здоровья. Люди слабы, прежде всего, психологически. И любая

дорога, по которой идёт человек, волей-неволей обрастает заборами, и ты уже не видишь за ними ничего.

Мы увлеклись беседой…, а между тем, обыденность и действительная реальность бытия, с непреодолимой фатальностью окружающая теперь нас, заставляет делать определённые поступки, и обеспечивать выживаемость собственному телу. Я желаю вам достигнуть своей Великой цели, и не пропасть, тем самым, в отвале истории, уважаемый Руаль.

Благодарю вас! Наш разговор, я ещё долго буду анализировать в своей голове. И Висталь, пожав руку путешественнику, вышел наружу. Снежная пустыня вокруг, казалось, не оставляла ни единого шанса на выживание, для такого изнеженного существа, как человек. Но его разум – достойный соперник, и достаточно адекватный противник, для любых враждебных природных стихий. Ибо, по большому счёту, сам является частью этой природной стихии.

Руаль двинулся на Юг, к своей заветной цели…, а Висталь побрёл на север, – туда, где с этой снежной пустыней соприкасалась пустыня моря…, отчерчивая линию, которую, в отличие от горизонта, можно было перешагнуть.

Идя же ныне, по песчаной пустыне в ночи, Висталь вспоминал другие пустыни, в которых ему довелось побывать. Но эта встреча в снежной пустыне, запала ему в душу более остальных.

Что губительнее, для человеческого существа, холод, или жара? Что опаснее, для его жизни, и для его психического здоровья, – пустыня мороза, или пустыня жары? Это, наверно, известно только тому, кто бывал всюду. При случае, спрошу у Фёдора Конюхова. Он бывал во всех стихиях, и ему, одержимому путешествиями, известно многое, что недоступно обывателям. Человек, чья жизнь – сплошное путешествие, страдает, когда ему приходится находиться в одном месте, достаточно продолжительное время, также, как страдает привыкший к статичной, оседлой жизни человек, вынужденный ступить на путь скитаний. Вопрос привычки, – не праздный вопрос, но вопрос самой жизни, её главных консолей.

Кейптаун

Южная Африка в корне отличается, от других континентов…, и не только своей природой, но и укладом самой жизни, и менталитетом аборигенов. Что-то первобытное, первородное чувствуется здесь во всём, с чем сталкивается человек, впервые посетивший этот неповторимый уголок земли. Словно всё, на самом деле, началось здесь. Архаика мироздания чувствовалась, как нигде. Здесь было мало отчаянно-цивилизационного…, несмотря на то, что этой землёй, долгое время владели самые агрессивные представители цивилизации, Англосаксы. «Радужная страна» обожжённая апартеидом, и не сломленная интервенциями, была самой «разноцветной страной» Африканского континента. Жизнь кипит там, где «несовместимые ингредиенты» забрасываются в котёл, и где происходит необходимая реакция…, и бурлящей пеной над этим котлом, поднимается самая агрессивная, и в тоже время, самая жизненная материя! – Суспензия силы, желания, и стремления… И при всех сопутствующих при этом, «парах жестокости», «отвратительных газах злобы», и всевозможных «синтетических вкраплениях подлости», она являет собой, самую бодрствующую, самую жизненную форму бытия.

Там, где нет реакции, от «несовместимых ингредиентов», всё и вся спит…, и сама жизнь находится в дремоте. Там мир наиболее приближен к скале…, а его самые прогрессивные, самые жизненные силы, находятся в анабиозе.

Висталь шёл, по этой обильно политой кровью, земле, и его душа, вместо того, чтобы огорчаться, и лить слёзы, ликовала! Чем бы мог гордиться человек, от чего упиваться в своём духе, не имей он в своей жизни, достаточных условий для доблести, для гипертрофированного самовыражения, и самопожертвования? Что ещё могло бы дать ему столько уверенности, столько благородного самосозерцания, если бы не было ни единой возможности для войны? Он хочет потратить себя на достойные вещи…, он хочет посвятить свою единственную жизнь, на ратный труд во имя сверх возвышенных целей! Он не хочет растратиться по пустякам, и превратится в никому ненужную золу, развеянную ветрами проведения. И он питает надежду на то, что когда-нибудь, ему представится случай поменять свою жизнь, на нечто действительно достойное, нечто ценное, – нечто вечное.

Ели он настоящий мужчина, он часто смотрит на звёзды, и мечтает о доблести, и победах, как о единственно возможном для себя, счастье на земле! То, что отраженно в мифах Скандинавии, с её Вальхаллой. И если эти мечты, так и остаются мечтами, в силу ли судьбы, или непреодолимых препятствий…, он молит проведение, что ему представится случай, хотя бы на излёте жизненного пути, совершить нечто героическое, пусть и ценой жизни. И так и уходит из жизни, несчастным человеком…, если его величество случай, не представил ему такой возможности.

Да. Он часто смотрит на себя, лишь как на орудие. И его уверенность в своём мировоззрении, есть суть одержимость. И тот царь в его голове, узурпировавший власть, и своим жезлом указывающий ему настоящий, единственно важный путь…, заставляет отбросить всё низменное, всё пошлое, и не заслуживающее внимания. Так становятся Великими!

Рондавель, типичное жилище народов банту, с соломенной крышей, и грубо выложенными по кругу, камнями стен, увидел Висталь в нескольких десятках шагов от себя, поднявшись на небольшой бугорок.

Человек появился на территории этой страны, в глубокой древности…, о чём свидетельствуют находки в пещерах возле Стеркфонтейна. Но эта цивилизация, никогда не была в прожекторе осмысления западной культуры…, как не имела своего настоящего олицетворения в их истории, к примеру, цивилизация Китая, или Индии. Здесь всё покрыто мифами, и Великие происшествия, происходящие на этой земле, никогда не освящались Западом, в их настоящем достоинстве. Тот, кто пишет историю, пишет её от себя, и для себя. История никогда не

была воплощением непредвзятости, и правды…, но всегда строилась на поиске приоритетов, и трактовалась с точки зрения самого летописца, глубоко надуманно, и предвзято. Мировая история, написанная в Индии, или Китае, совсем не та история, что написана в Европе. Мы словно живём в разные времена, и на разных планетах…, и всё, что действительно важно для общей истории, в большинстве своём, остаётся в тени.

Проходя мимо Рондавеля, Висталь заметил за строением группу людей, занимавшихся разделыванием туши какого-то животного. Архаизм этой картины, разбудил в голове Висталя, целую бурю мыслей. В первую очередь, он подумал, как далеко не уходило бы человечество в своём прогрессе, некоторые вещи, останутся с ними до скончания веков. Какие изысканнейшие блюда человек не изобретал бы, на своих, оборудованных по последнему слову техники, кухнях, вкус жареного на костре мяса, для него останется самым желанным. Ибо, он есть – суть начало…, а начало формирует саму платформу. Как в той песне: «*И всем изыскам кухни, предпочитает шашлыки…*»

Но как часто мы путаем понятия варварства, с понятием архаики. Посмотрите только, не замасленным пропагандой глазом, на то, как, к примеру, считающие себя возвышенными, Англосаксы, ведут себя по отношению к населению Африки…, и не только Африки. Кто, на самом деле, вызывает чувство варварства? Безусловно, в этом мире властвует тот, кто агрессивнее, и организованнее. Именно, по равным долям *организованность,* и *агрессивность*, доминирующие в крови того, или иного человеческого клана, как основные консоли, для получения власти, определяют его место в общем социуме.

Хитрость, холодная рассудительность, безжалостность Англосакса, созревшая, и окрепшая в его теле, ещё в древности, на холодных землях Скандинавии, Северной Европы, и Британии, когда окружающая природа, не прощала ошибок…, и люди, подстёгиваемые суровой действительностью, беспрестанно воевали за кусок хлеба, за относительно благоприятный участок земли…, не оставляет ни единого шанса в противостоянии человеку, веками проживающему в относительно оранжерейных условиях Африки, или Индокитая. И что парадоксально, но в тоже самое время, естественно, это же, относительно «оранжерейное условие», присущее местной природе, изобилующей легко добываемыми продуктами питания, является причиной того голода, который перманентно прореживает ряды, именно Африканцев. Ведь та умственная, и волевая расслабленность, присущая, в первую очередь, именно Африканцам, – нивелирует, и убивает в них стремления…, и тот необходимый для прогрессивного становления *креатив,* с избытком присущий народам севера, и средней полосы. Конечно, с множеством исключений, как с одной, так и с другой стороны.

Подходите, уважаемый, услышал он окрик рослого, и крепкого Африканца. Сейчас мы приготовим наше фирменное блюдо, в честь рождения моего сына, и хотим угостить вас.

С удовольствием! И Висталь, пройдя по вымощенной галькой, тропинке, присел на скамью, что указал ему тот же рослый парень. Я вам принесу пока чай, его готовит моя мама. И многим местным, он очень нравится. Вы, судя по всему, приезжий. А откуда вы? Сегодня утром я сошёл в порту вашего города, с корабля. Но куда он направлялся, и откуда, не знаю. И это метафора самой жизни, и бытия. Куда, и откуда идёт наша жизнь, – не скажет никто. Для нас важен сам путь, и то время, что отведено каждому из нас. Мы, – каждый из нас, сам создаёт эту жизнь, и все её *откуда,* и *куда*. И если бы сам мир, имел для себя, подобное *откуда*, и *куда,* он был бы аподиктически конечен…, он был бы – смертен. А это нонсенс. Жизнь – безначальна, и бесконечна. Жизнь – бессмертна….

Вы Великий мудрец, или Великий философ? Судя по всему, задавая подобный вопрос, вы отличаете мудреца, от философа…, и в тоже время, не можете определить, к кому из них, отнести меня? Так может и нимб над головой вырасти, и засветится!

Когда-то, за подобные речи, человека взяли, и распяли на кресте…, но потом – сделали богом! Человек – падок до тайн…, и любит более всего на свете, то, что не понимает…, а в

действительности, боится. Человеческая душа, также парадоксальна, как и сам мир. Она – суть воплощение мира, его олицетворение…, – капля, что включает в себя весь океан!

Я Висталь. А как зовут вас, уважаемый? Я сразу понял, что вы из ряда вон выходящий человек. В вас чувствуется образование…, уж не знаю, классическое, или вы самоучка? Большого значения, это не имеет, как только лишь в смысле свободы.

Меня зовут Арманд. Я действительно самоучка, и никакого классического образования не имею. Но я прочитал множество книг, и некоторые, по нескольку раз…, можно сказать изучил.

Скажите Арманд, как повлияла на весь ваш род, эта «белая бестия», что пришла сюда с севера? Вы знаете, уважаемый Висталь, когда-то меня осенила мысль, что все мы, – части одного организма, что живёт на земле несколько тысяч лет. И мой род, это лишь одна из многочисленных нитей в локоне, что сплетается в косу, с такими же локонами, и что зовётся человечеством. Мы умираем, и на наше место приходят новые люди. Но само человечество живёт, словно организм, в котором умирающие клетки, заменяются новыми. Я понимаю, что всё это наивно, и даже пошло…, но я так мыслю, и все критические замечания на этот счёт, для меня, – не имеют большого значения. Каждый человек живёт той жизнью, и теми мыслями, что рождаются, и расцветают в его голове…, и не важно, обладают ли они величием, или просты…, всякая оценка, есть лишь оценка по отношению, и не более того.

Ведь, на самом деле, настоящая оценка может быть, лишь в сравнении с идеалом…, а его, как раз, и не существует на земле. Всё, что существует в моей голове, вся палитра, и порядок, есть последняя цитадель…, ибо существует в единственном, и неповторимом виде. Совершенство же, или недоразвитость, это уже из области сравнения – не сравниваемого…, а значит, суть стремление к власти, к доминантам, – суть предвзятость.

То, что «белые люди» пришли суда, и навязали свою волю, говорит о многом. Но не говорит о нашей недоразвитости. Это говорит лишь о том, что мы находимся на различных плоскостях совершенствования, с различными скоростями, и формами внутренних трансформаций. Существуют области познания, в которых мы ушли далеко, от «белых людей». Но ими, это редко принимается во внимание. Они убеждены, что именно их форма познания мира, – самая прогрессивная, самая истинная. Но они не понимают, не хотят понимать того, что та форма счастья, к которой мы идём, и к которой расположены наши сердца, гораздо продуктивнее, чем их форма счастья. И каждый человек, стремится именно к своей форме счастья, и иная форма, для него – за семью печатями.

Эти «белые люди» полагают, что несут добро, что они осчастливливают своей формой бытия, своей формой цивилизации, весь мир. Но, на самом деле, – разрушают, уничтожая на земле иные виды человека…, словно уничтожая многообразие фауны, и флоры, и ставя под исчезновение некоторые своеобразные её виды.

Их «Великая религия», – «религия потребления», стоит на том, что у человека, должно быть всего в достатке, или даже с переизбытком. Что только достаток, несёт человеку счастье. И они преуспели в этом. Мир «белого человека», по большей части, наполнен до краёв продуктами цивилизации. Но становится ли от этого, человек счастливее? Уровень жизни, о котором беспрестанно говорят, настолько относительная вещь, и не несёт в себе, ничего по-настоящему объективного, что складывается впечатление, будто мы все сидим за покерным столом, и всё завит от умения блефовать.

Природа так устроена, что стоит дать чего-то с избытком, и человек теряет к этому интерес. Он развращается, и при полном изобилии, в конце концов, теряется интерес, даже к самой жизни. *Голод, жажда, недостаток*, в самом широком смысле слова, но никак не *изобилие,* являются генератором жизни, производящем стремление, и желание. И мы наблюдаем ныне, как при всём своём прогрессивном накоплении богатств, прежде всего, в Западном мире, человек этого мира, становится всё более слабым, неприспособленным, и уязвимым. Как разруша-

ются его главные консоли духа, как нивелируется всё то, что приносило ему некогда счастье. Теперь, он лишь успокаивает, всё более нарастающие страхи в его сердце. Он словно тот наркоман, у которого уже атрофировалось чувство удовольствия, от чрезмерных доз, и он лишь пытается успокоить боль. И именно эти страхи, вырастая, словно эвкалипт, высасывают из его духа силы…, и подталкивают его к неразумным вещам, подводя весь мир, к неминуемой катастрофе.

Привычка – самое важное, самое основное свойство человеческого существа. Но только тот, кто периодически ломает свои привычки, что словно «скелет» формируются в его сердце, и делают его костным, не гибким и ограниченным, способен противостоять всем неприятностям на бренной земле, и позволяет не дать страхам разрушить себя, и всю свою жизнь.

Я с вами отчасти согласен, уважаемый Арманд. Но всё это, в определённом контексте, и с определённым фокусом «камеры обскура», можно отнести и к Западной цивилизации. Ведь она, стала таковой, какой мы её ныне наблюдаем, только благодаря своей гибкости, креативу, и той жизненной силе, что созрела в ней, на полях мятежных средних веков. И вся её агрессивность, связана с лишениями, и недостатком, в коем пребывала эта цивилизация, на протяжении многих веков. И её неминуемая стагнация – предначертана только самой природой, её непреодолимыми законами. Ибо, всякое существо на земле, да собственно, и в космосе, стремиться к благоденствию…, но получая его, тут же начинает стагнировать, и вянуть, словно созревший цветок. И здесь играет свою роль разрушение, – катаклизм, что смывает всё, лишь для того, чтобы начать всё заново.

У человека бесчисленное количество врагов, как сугубо природного контента, так и собственного, цивилизационного. Начиная с космических рисков, и кончая болезнями. Он живёт в окружении «враждебного бульона», и каждую минуту, его подстерегает опасность, как со стороны природы, так и со стороны его же соплеменников. Но самым главным врагом человека, является сам человек. Он сам беспрестанно создаёт для себя, всевозможные риски. Его необузданные стремления всё вокруг себя переделать, «улучшить», и уйти от бренности своего существования, толкает его к пропасти. И большинство своих неприятностей, он испытывает именно от своих заблуждений, что порождаются этими необузданными желаниями.

Но это – его природа…, и общая фатальность его бытия, также необходима, как необходимо любое возникающее на полях этого бытия, локальное явление. Человек – лишь сегмент. Но именно на этом «сегменте», держится вся наша цивилизация…, впрочем, как и природа в целом. Ибо, при всей своей не подчинённости природы, человеку, именно он является, как «огнивом», так и «пожарным рукавом» этого мира.

Живописнейший закат Африканского континента, вызывал ностальгические чувства у всякого путешественника, волей случая, оказавшегося здесь. Висталь поблагодарил своего собеседника, и откланявшись, направился в прерию, навстречу этому неповторимому пейзажу, что красно-жёлтыми красками заполнял ландшафт. Он, в силу своего темперамента, и выработанным веками, привычкам, не мог долгое время оставаться на месте. Желание менять без конца декорации, было главным мотивом его жизненного пути.

Москва

Самые Великие вещи на земле, в тоже время, самые незаметные. По-настоящему поворотные, и судьбоносные события, не замечаемы, и представляются на первый взгляд, чем-то обыденным, и незначительным. Самые Великие люди, в тоже время, самые скромные, и неуверенные в себе…, люди без конца сомневающиеся, и не доверяющие собственным чувствам, и умозрениям.

Время, необходимо расставляет всё и вся, на свои места. И это действительно так. Только с высоты прошедшего времени, вся палитра человеческого бастиона, представляется в его действительном, наиболее близком к правде, наиболее рафинированном свете. На белом свете ещё ничто, и никогда не сохраняло свою маску длительное время. Всё чужеродное всегда сбрасывалось плотью реальности, и всякая надутая, неестественная оболочка, слетала вместе с осенним листопадом, оголяя всё действительно реальное…, и правда жизни выступала неоспоримым естеством своего бытия, огорчая, или радуя своих наблюдателей…, но всегда приводя, в конце концов, к неминуемому удовлетворению.

Жизнь Висталя, была похожа на жизнь всякого обывателя. Ведь он мог быть единовременно только в одном месте. А это значит, что все иные места, ущербной нитью проходили через его сердце, и убеждали в том, что он находится не там, и не в то время…, что его корабль плавает не в тех водах…, что самые значительные, и по-настоящему великие события остаются за его кормой…, что самые, ныне освящённые значимостью места, остаются без его внимания. Жизнь же, настоящая её интерпретация, её самая значительная, центральная полисфера, проплывает за горизонтом…, и даже коснутся её, не представляется возможным.

Но иногда, приступы самоуверенности посещали и его сердце. И он в полном убеждении, что мир крутится вокруг него, что это он вершит судьбы мира, и самый главный трон жизни находится под ним, получал инъекции тщеславия, и гордыни…, и вся палитра мира вдруг радугой разворачивалась над его головой. Но всякая радуга – не долговечна. И как только «дождь тщеславия» уходит за горизонт, радуга исчезает с небосклона, и только свежесть насыщенного «озоном величия воздуха», ещё некоторое время наполняет лёгкие…, и ты по инерции ощущаешь перманентные всплески иллюзий, от опьянённого этим озоном, разума.

Висталь шёл по Московским улицам, и его нахождение в центре Великой страны, самой большой на земле, и самой таинственной, и непредсказуемой, давало ощущение, словно он залез на самую высокую гору, и оглядывает все окрестности, до самых дальних окраин. И в тоже время, обыденность улочек, и простое, ничем не выделяющееся мельтешение людей, превращало, всё это величие места, в насмешку, в обывательскую суетность…, и опускало сердце на пошлую ступеньку обыденного, и незначительного момента.

Висталь чувствовал, что вся эта чепуха, и напыщенная ерунда относительно центральных, важных, и значительных мест на земле, есть иллюзия тщеславного духа, кормящего душу «слабыми наркотиками самомнения, и гордыни», и обманывающего его своими аффектами, развращая, и нивелируя всё, по-настоящему ценное в душе. Ибо, в такие минуты, отодвигается на задний план, всё действительно важное, и ценное…, как, к примеру, ощущение родного, близкого и любимого, – всего того, что присуще именно периферия м, потаённым уголкам мира…, что возникает только в местах покоя провинции…, и способно расцветать, лишь в минуты абстрагирования, от всего «центрального», и всего «Великого», всего «столичного» и надменно-чванливого, – всего того, что мнит себя центром мира, и главным временем Вселенной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.